

УДК 37.01

Воля Е.С.

**О ЦЕННОСТНОМ
ОТНОШЕНИИ К УЧЕНИЮ
(К 185-ЛЕТНЕМУ ЮБИЛЕЮ
СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
И.М. СЕЧЕНОВА)**

Ключевые слова: И.М. Сеченов, образовательная биография, ценности образования, нормы образования.

В работе «Бытие и ценность» Н.О. Лосский характеризует личность как «деятеля, осознавшего абсолютные ценности и долженствование осуществлять их в своем поведении». Подчеркивая, что «ценность всегда связана не только с субъектом, но именно с жизнью субъекта», он определяет ценность как «бытие в его самопереживаемом или переживаемом другими существами значения для осуществления абсолютной полноты жизни или удаления от нее». Лосский подчеркивает, что «по мере развития культуры человек все чаще ставит цели, достижение которых требует предварительного осуществления длинной цепи средств. Искусство жизни состоит в таком усложнении интересов и в таком углублении органичности ее, что средства перестают быть только средствами и хоть какую-нибудь стороною своею содержат в себе также самоцели или, по крайней мере, насквозь пронизаны и заманчиво освещены тою самоцелью, ради которой они осуществляются» [1].

Будем понимать в свете этой позиции Лосского ученичество не только как средство достижения чего-либо, но и как содержащее самоцель. В качестве яркого примера, характеризующего ценностное отношение к учению, может быть рассмотрена образовательная биография Ивана Михайловича Сеченова (1829–1905), внесшего значительный вклад в становление мировой науки в области физиологии, биохимии, биофизики, теории познания, а также в создание университетского образования [2]. Для Сеченова как учащегося характерно не просто понимание своих учебных интересов, но и подчинение им своей жизни.

Ученики его почитали как «человека-идеалиста, отдавшего всю жизнь служению родине и не искавшего для се-

бя лично ничего, кроме возможности работать» [3]. Его путь – яркий пример воспроизводства жизни в учении. Рассмотрение условий, послуживших его развитию как ученика, является целью данной статьи.

Исследователи биографий свидетельствуют о том, что «уже семилетние дети никогда не забывают свое прошлое и сохраняют (даже не осознавая этого) нравственные оценки и реакции, заложенные в семье» [4].

Семейный уклад как предмет исследования интересен с позиции выделения ценностных идей, воспроизводящихся в последующих поколениях. Священник Сергей Соколов дает такое определение культуры: культура – это связь с предками. «Башня апостола Ерма от семидесяти строится из людей, это живые камни Церкви; они должны быть прилажены соответствующими гранями, а круглые валяются поодаль, потому что имеют одну грань – замкнутый круг самомнений:

*Возвысилась стройная башня
Среди валунов у реки,
Уныло валяясь на пашне,
Волнений они далеки.
Лишь гальку волна омывает,
Снимая с луны серебро,
На камень блесною бросает,
Накат шелестит о ребро.
Квадратные камни пригодны
Краями сомкнуться в ряды,
Прямы, обсечены, свободны,
В мирском не имеют нужды.
Судьба возлагается камнем
В фундамент, на стену, в карниз,
На месте удержится равнем,
Бесчестная скатится вниз» [5].*

Иван Михайлович Сеченов родился в дворянской семье в селе Теплый Стан Симбирской губернии, в имении, некогда купленном митрополитом Дмитрием Сеченовым и перешедшим впоследствии по наследству к Михаилу

Алексеевичу, отцу ученого, который после службы в Преображенском полку жил здесь со своей семьей. «Жил он непритворно» и «крайне дешево», что позволило ему выстроить в селе «почти исключительно на свои деньги большую каменную церковь и двухэтажный деревянный дом в двадцать комнат, с небольшим садом по заднему фасаду». Он отличался «бескорыстием и большой честностью, крестьян не притеснял, погорельцам строил избы, в неурожай раздавал хлеб». Его отношение к детям было равным – он не сердился, не наказывал, но и ласки не проявлял. Не имея образования, признавал его важность и внушал детям, что они должны «относиться к своим учителям и учительницам, как к своим благодетелям», и перед женитьбой отправил будущую супругу в «монастырь для обучения грамоте и женским рукоделиям» [6].

Мать, как пишет Сеченов, – «милая, добрая, умная мать, была красивая в молодости крестьянка». Окружающие помещицы, от которых с виду она ничем не отличалась, относились к ней «из-за ее милого, кроткого нрава с большой любовью... на ее руках была обычная половина домового хозяйства, но в семье, при жизни отца, голос ее слышался очень редко» [7].

По воспоминаниям Сеченова, в детстве больше отца и матери он любил свою милую няньку Настасью Яковлевну, которая его ласкала, водила гулять, сберегала от обеда лакомства, брала его сторону в пререканиях с сестрами и пленяла «сказками, на которые была большая мастерица» [8].

Сеченов был младшим из восьми детей. Два старших брата – Алексей и Александр – после Демидовского лицея пошли в гусары. Старшую сестру Анну после окончания пансиона отец вернул в семью для обучения млад-

ших детей. Средние братья – Рафаил и Андрей – учились вне дома в уездном городе, а затем в Казанской гимназии. Предполагалось, что Сеченова тоже отдадут в Казанскую гимназию, но после смерти отца мать удержала его дома для подготовки в более высокие классы. Однако потом, с подачи старшего брата, было принято решение подготовить Сеченова для поступления в Главное инженерное училище. Это позволило ему до четырнадцати лет находиться на домашнем обучении со своими младшими сестрами.

Грамоте учила Сеченова старшая сестра, а закону Божию, арифметике, русскому и латинскому – священник. Сеченов считал, что именно домашнее образование имело важное значение для его будущего. С особой благодарностью он вспоминал уроки приглашенной в дом гувернантки для девочек смолянки Вильгельмы Штром. В семье Сеченовых ее встретили породственному (тем же впоследствии ответит ее семья обучавшемуся в Петербурге Сеченову). Он смог выучить французский и немецкий языки и в дальнейшем не утратил их знания.

Пушкин, Жуковский, Марлинский, Загоскин, Лажечников составляли домашнее чтение Сеченова. Его «детскими любимцами» были Аммалат-Бек, Мулла-Нур Марлинского и запорожец Кирша в «Юрии Милославском» Загоскина. Вкус к таким героям сохранится у Сеченова и в более позднем возрасте, когда он познакомился с Вальтером Скоттом и Фенимором Купером [9].

Современному читателю «Автобиографических записок» Сеченова представляется доброжелательная атмосфера его домашнего образования до четырнадцати лет, которая, видимо, и определила основные его качества ученика и позволила сохранить живой интерес к учению. Помимо интереса

к учению, у Сеченова довольно рано сложился навык самостоятельного обучения. Своим детским учителем латыни Сеченов называет латинскую грамматику Кошанского. Впоследствии Сеченов основательно и так же самостоятельно выучит латынь перед поступлением в Московский университет, впрочем, как и курс истории. Несколькими годами раньше для поступления в инженерное училище он будет самостоятельно изучать по учебникам грамматику, историю и географию, так как взявшийся его подготовить для поступления в инженерное училище офицер будет с ним в течение полугода заниматься только математикой. Математику Сеченов действительно будет знать, и во время обучения в училище эти знания улучшит, получив качественное по тем временам математическое образование; в старшем классе возникает интерес к физике и химии. К «инженерному же искусству» душа у Сеченова не лежала.

В училище он встретил друзей, отношения с которыми сохранил на длительное время. Товарищество, пафос служения отечеству, суровый военный быт и дисциплина сыграли, скорее, благоприятную роль для становления юноши Сеченова. Последующие по выпуску два года служения сапером в Киеве были значимы для молодого человека больше не профессиональными интересами, а общением с местной интеллигенцией. Здесь произошло одно из прецедентных событий, повлиявших на выбор Сеченовым медицинского образования. Его «благодетельницей» стала сестра товарища по училищу, из семьи врача, которая «ставила университетское образование очень высоко и считала Московский университет стоящим впереди всех прочих. Мысли ее шли в сторону служения ближнему, и в этом смысле

она относилась очень сочувственно к профессии медика» [10]. Воспитание, начатое в Киеве, «довершилось» в доме Визаров, в который Сеченов был вхож на протяжении всех шести лет обучения в Московском университете. К кругу общения этого дома принадлежали Грановский, Бородин, Григорьев, Островский. Общение имело большое значение для Сеченова, так как «медицина тогдашнего времени как наука содержала в себе очень мало культурного» [11].

Сеченов с рвением принялся за учебу на медицинском факультете. Несмотря на то, что преподавательский состав был представлен известными и заслуженными в своих областях специалистами (анатомию читал по латыни профессор Севрук, богословие – протоиерей Терновский, физику – профессор Спасский, сравнительную анатомию и физиологию – профессор Глебов, фармакогнозию – профессор Лесковский, введение в медицину – профессор Полунин, энциклопедию медицины – профессор Армфельд), обучение не отвечало требованиям своего времени и его оснащение отставало от зарубежных научных школ. «Виной моей измене медицине было то, что я не нашел в ней, чего ожидал, – вместо теории голый эмпиризм», – заключит впоследствии Сеченов [12].

Знакомство с главными теоретическими медицинскими предметами разочаровало Сеченова в медицине как науке. Лекции частной патологии и терапии профессора Н.С. Топорова основывались в основном на практическом опыте лектора и частом цитировании учебника Гризоля, «в котором не было ничего кроме перечисления причин заболевания, симптомов болезни, ее исходов и способов лечения; а о том, как развивается болезнь, в чем ее сущность и почему в болезни помогает то

или иное лекарство, ни слова» [13]. На лекциях фармакологии и рецептуры профессора Н.А. Анке «не было речи о том, как действуют лекарства на организм, – экспериментальная токсикология только начинала развиваться в Германии, в самом счастливом случае говорилось лишь о том, против каких симптомов болезни употребляется данное средство. Чтения лекций проф. Басова сводились к перечислению симптомов болезни и происходили без всякой демонстрации» [14].

Однако, будучи человеком, направленным на познание, Сеченов проявляет интерес к другим областям знания. Он с удовольствием слушает курс истории реформации П.Н. Кудрявцева, увлекается психологией Бенеке (выводившего всю картину психической жизни из первичных сил души).

Сеченов убеждается, что не призван быть медиком, так как «не было ключа к пониманию смысла болезней» [15], и начинает мечтать о физиологии.

В 1856 г. Сеченов, взяв свою долю наследства, принимает решение заниматься физиологией в Европе. За три с половиной года ему удастся слушать лекции и совместно работать в лабораториях с ведущими учеными своего времени, такими как И. Мюллер, Э. Дюбуа-Реймон, Гельмгольц и др., побывать, как впоследствии скажет Э. Дюбуа-Реймон, «во всех местах, где бывать следовало».

Почти полвека Сеченов «прожил в лаборатории». По возвращении в Россию им были созданы физиологические лаборатории в Петербургской медико-хирургической академии и университетах Одесском, Петербургском, Московском. Сеченов считал, что «университеты, для выполнения их назначения служить рассадниками знания, должны быть не только учреждениями, где наука проповедуется, но

и рабочими научными центрами, где она развивается» [16]. Идея о том, что «что учить и учиться можно с успехом, только работая», была путеводной в жизни самого Сеченова. Она стала частью его теории и организации науки.

Сеченов уделяет большое значение роли опыта в познании, по его мнению, «в области знания воспроизводимо может быть только усвоенное, только то, что понятно», «фотографичность воспроизведения стоит на заднем плане», «главное – смысл слышанного». Сеченов полагает, что «если вдуматься... в условия так называемого понимания мыслей, то всегда в результате оказывается, что ключом к нему может быть только личный опыт в широком значении этого слова. Всякая мысль, как бы отвлеченна она ни была, представляет в сущности отголосок существующего, случающегося или, по крайней мере, возможного, и в этом смысле она есть опыт (верный или нет, это другой вопрос) в различных степенях обобщения. Поэтому данная мысль может быть усвоена или понята только таким человеком, у которого она входит звеном в состав его личного опыта или в той же самой форме (тогда мысль уже старая, знакомая), или на ближайших степенях обобщения» [17].

Сеченов указывает также на трансцендентную роль опытного знания, которое открывает новые горизонты – «ряды загадок, вытекших из опыта, но лежащих за его пределами. К счастью для человечества, ум не останавливается на пороге опыта и идет дальше, в область загадок». Одни из них оказываются разрешимыми лишь отчасти или условно; другие разрешимы тотчас же и вполне наличными средствами особенно искусного исследователя, а некоторые, будучи вполне понятными для ума, не могут быть разрешены опытом только в данную минуту [18].

Лаборатории, по мнению Сеченова, «изменяют всю систему обучения, как учреждения, приноровленные к практической разработке научных вопросов многими, они заменяют собою прежние замкнутые кабинеты ученых и вводят в среду учащихся самый процесс созидания науки» [19].

Сеченов высоко ценил сознательное и бескорыстное стремление учащихся к образованию как высшему благу и до преклонных лет смог сохранить интерес к собственному обучению. Будучи уже пожилым человеком, он брал уроки у знакомого ему студента математического факультета и самостоятельно занимался высшим анализом [20].

Сам Сеченов обладал неустанной готовностью «научаться вновь и вновь». Ухтомский рисует яркий образ делосского пловца, «который опять и опять неустанно идет все вперед за недающимся островом, и остров научает мужественной настойчивости в погоне за уходящей все вперед истиной, а попутно дает изобильное содержание жизни, которое все обновляется. Ведь если бы не эта постоянная готовность научиться вновь и вновь, какие удобные схемы понастроили бы мы себе, но какими скудными абстракциями были бы они вместо живой и обновляющейся действительности! Пловец в своем постоянном труде знает, что пока он будет идти за островом, последний даст новые и новые задачи и будет обогащать его понимание действительности, каковая она есть» [20].

Ценностное отношение к учению определило всю жизнь Сеченова. Он много трудился, испытывал лишения и неудобства, но был верен своему «внутреннему убеждению и призванию» [21]. Его учебные интересы менялись, однако оставалась неизменной ценность учения самого по себе [22; 23].

Библиография

1. Лосский Н.О. Условия абсолютного добра: Основы этики, характер русского народа. М., 1991.
2. Razran, G., 1965. Russian Physiologists. Psychology and American Experimental Psychology: A Historical and a Systematic Collation and a Look Into the Future. Psychological Bulletin, 63 (1): 42–64.
3. Отчет Московского университета за 1905 год // Научное слово. 1905. Кн. 10. С. 23.
4. Шноль С.Э. Герои, злодеи, конформисты отечественной науки. 4-е изд. М.: Либроком, 2010. С. 63.
5. Соколов С. (иерей). История и метаистория в расколе // Трибуна русской мысли. 2010. № 11. С. 154–159.
6. Автобиографические записки Ивана Михайловича Сеченова. М.: Научное слово, 1907. С. 1–3.
7. Автобиографические записки Ивана Михайловича Сеченова. С. 3.
8. Автобиографические записки Ивана Михайловича Сеченова. С. 3.
9. Автобиографические записки Ивана Михайловича Сеченова. С. 6.
10. Автобиографические записки Ивана Михайловича Сеченова. С. 39.
11. Автобиографические записки Ивана Михайловича Сеченова. С. 47.
12. Автобиографические записки Ивана Михайловича Сеченова. С. 55.
13. Автобиографические записки Ивана Михайловича Сеченова. С. 55.
14. Автобиографические записки Ивана Михайловича Сеченова. С. 56.
15. Автобиографические записки Ивана Михайловича Сеченова. С. 65.
16. Сеченов И.М. Научная деятельность русских университетов по естествознанию за последнее двадцатипятилетие // Вестник Европы. 1883. Вып. 6. С. 383.
17. Сеченов И.М. Элементы мысли. СПб.: Питер, 2001.
18. Сеченов И.М. Элементы мысли. С. 351.
19. Сеченов И.М. Научная деятельность русских университетов... С. 334.
20. Автобиографические записки Ивана Михайловича Сеченова. С. 162–164.
21. Ухтомский А.А. И.М. Сеченов в Ленинградском университете // Доминанта. СПб.: Питер, 2002. С. 261.
22. Введенский Н.Е. Полное собрание сочинений. Л.: Изд-во Ленинград. ун-та, 1963. Т. 8.
23. Образовательная биография Ивана Сеченова // 150 лет «Рефлексам головного мозга»: сб. науч. трудов юбилейного симпозиума, посвящ. изданию статьи И.М. Сеченова (23 ноября 1863 г.). М.: ИИНТЕЛЛ, 2014. С. 71–82.
24. Sechenov, I., 1965. Reflexes of the brain. Cambridge, Mass.: The MIT Press.

Bibliography

1. Lossky, N.O., 1991. Conditions of the absolute good: basics of ethics and character of the Russian people. Moscow. (rus)
2. Razran, G., 1965. Russian Physiologists. Psychology and American Experimental Psychology: A Historical and a Systematic Collation and a Look into the Future. Psychological Bulletin, 63 (1): 42–64.
3. The report of Moscow University for 1905, 1905. Scientific Word, 10: 23. (rus)
4. Shnol, S.E., 2010. Heroes, villains and conformists of the national science. 4th ed. Moscow: published by Librocom: 63. (rus)
5. Sokolov, S. (Reverend Father), 2010. History and meta-history in split. Tribune of the Russian Thought, 11: 154–159. (rus)
6. Autobiographical essays by Ivan Mikhaylovich Sechenov, 1907. Moscow: published by Nauchnoye Slovo: 1–3. (rus)
7. Autobiographical essays by Ivan Mikhaylovich Sechenov: 3.
8. Autobiographical essays by Ivan Mikhaylovich Sechenov: 3.
9. Autobiographical essays by Ivan Mikhaylovich Sechenov: 6.
10. Autobiographical essays by Ivan Mikhaylovich Sechenov: 9.
11. Autobiographical essays by Ivan Mikhaylovich Sechenov: 47.
12. Autobiographical essays by Ivan Mikhaylovich Sechenov: 55.
13. 13 Autobiographical essays by Ivan Mikhaylovich Sechenov: 55.
14. Autobiographical essays by Ivan Mikhaylovich Sechenov: 56.
15. Autobiographical essays by Ivan Mikhaylovich Sechenov: 65.
16. Sechenov, I.M., 1883. Scientific activity of the Russian universities of natural sciences for the last twenty-five years. Herald of Europe, 6: 383. (rus)
17. Sechenov, I.M., 2001. Elements of thought. St. Petersburg: published by Peter. (rus)
18. Sechenov, I.M., 2001. Op. cit.: 351.
19. Sechenov, I.M. Scientific activity of the Russian universities...: 334.
20. Autobiographical essays by Ivan Mikhaylovich Sechenov: 162–164.
21. Ukhomsky, A.A., 2002. I.M. Sechenov at Leningrad University. In: Dominant. St. Petersburg: published by Peter: 261. (rus)
22. Vvedensky, N.E., 1963. Complete set of works (Vol. 8). Leningrad: published by Leningrad University. (rus)
23. Educational biography of Ivan Sechenov, 2014. In: 150th anniversary of “Reflexes of the brain”: collected articles of anniversary symposium dedicated to publication of I.M. Sechenov’s article (November 23 1863). Moscow: published by INTEL: 71–82. (rus)
24. Sechenov, I., 1965. Reflexes of the brain. Cambridge, MA: The MIT Press.